

ЗЕЛЕНЬ

Я мерно шагаю под стук несъеденного яблока, которое перекачивается из стороны в сторону в коробке для завтрака. Пум-пум, пум-пум... Оно у меня в сумке с понедельника, с ним мой завтрак выглядит так образцово — только оно бьется там уже с неделю, и с каждым днем на нем появляется все больше пятен, похожих на синяки. Олли, мой младший брат, тащится рядом, опустив голову, и иногда пинает камешки, которые осмелились оказаться у него на пути. Вот уже виден наш дом, и я замедляю шаг; по утрам до школы идти далеко-далеко, а после обеда, из школы домой, — как-то не очень.

Я пристально смотрю на окно ее спальни. Шторы небрежно провисают, кое-где зажимы не держатся на кольцах, и от этого сверху как будто зияют огромные дыры. Вот у наших соседей, Гангали, шторы раздвижные, просто шикарные; такие рисуешь в детстве, представляя, как должен выглядеть настоящий дом. Их палисадник — это аккуратный газон с миленькими яркими цветочками по периметру; и красная калитка

так хорошо сочетается с цветом оконных рам. Не то что у нас.

Наш газон давно пора подстричь; трава уже перерастает садовую ограду, как будто отчаянно хочет узнать, что там, за ней, а может, даже сбежать. Впрочем, этими травяными джунглями хотя бы отчасти скрыты переполненные баки. Раньше-то за этим следил папа — и за травой, и за мусором.

Я наотмашь открываю нашу шаткую, скрипучую калитку и иду мимо вонючих баков к зеленой двери с медными цифрами 47 на ней — номером нашего дома. Семерка висит кривовато. Беру теплую бутылку молока со ступеньки, заношу в дом. Уже почти три часа дня, но у нас тихо, темно, с утра не выветрился тяжелый дух. На кухонном столе красуется просыпанный сахар, глубокие тарелки сгрудились в мойке, разбухшие кукурузные хлопья плавают в желтых лужицах сладкого молока. Стулья в беспорядке стоят вокруг стола: как все было в полдевятого утра, так и осталось.

Олли швыряет портфель на пол и опускается на колени у ящика, где лежат игрушки: сломанные машинки без колес — ими играл еще мой старший брат Хью — и мои куклы-калеки, потерявшие кто голову, кто руку или ногу. Он тут же начинает возиться со своими солдатиками и борцами, что-то бубнит себе под нос — разгорается прерванная утром битва. Я не знаю других детей, которые шепчут, когда играют, а он мало говорит, но все время будто чего-то ждет, как трава и мусорные баки: одна тихо растет, другие тихо переполняются.

Я ставлю свой портфель к стулу рядом с кухонным столом, где буду делать уроки. Протираю стол, соскребаю с тарелок намертво приставшие к ним

хлопья, ставлю тарелки в посудомойку. Раздвигаю шторы; в свете пасмурного дня видно, как в воздухе плавают пылинки. Смотрю на них и чутко слушаю тишину. Скоро придет Хью. Он старше, и у него уроки заканчиваются в четыре часа. Когда он дома, то все всегда в порядке. Но пока его нет. В виске у меня тикает, будто морзянкой передают какое-то сообщение. И вроде все как обычно, но все-таки что-то не так.

Я робко смотрю вверх: боюсь того, что там. Коричневый ковер на верхней ступеньке нашей лестницы кажется мне зеленым. Отсюда он похож на болотный туман, тихо висящий над ступенями. Я принюхиваюсь — не дым ли, но нет, ничем вроде бы не пахнет. Я встаю на нижнюю ступеньку, и зеленое облако медленно начинает ползти вниз. Олли бросает игру, он уставился на меня. У нас неписаное правило: она спит — мы наверх ни ногой.

— Иди погуляй, — говорю я.

Он слушается, а я сломя голову бросаюсь в зеленое, так быстро, что оно клубится вокруг меня. Зеленое ползет из-под двери ее комнаты, как будто там работает мощная дымовая пушка. Сердце бешено колотится, когда я кладу руку на ручку. Не любит она, чтобы ее беспокоили. Сон у нее плохой, так что если уж засыпает, будить ее не смей. Пока она спит, радуешься, но такое счастье выпадает не каждый день.

Я толчком открываю дверь. Вся комната залита мутно-зеленым светом. Даже глазам больно. Я оглядываюсь кругом, ищу, что это светит, — может, какой-то новый прибор, который помогает засыпать, — но не могу ничего найти, и вообще этот свет не успокаивает. Зелень какая-то густая, я просто вязну

в ней, да к тому же еще и холодная. Мне становится так грустно, так одиноко, пусто и сумрачно на душе, что я готова вот прямо здесь сдаться, лечь ничком и умереть.

Я вижу, как она свернулась под одеялом; лежит на боку, лицом к зашторенному окну; там, где зажимы сорвались с колец и шторы провисли, образовались как бы кармашки, и сквозь них пробивается серый свет дня. Я тихо обхожу кровать; ее лицо закрывают нечесанные, давно не мытые волосы. Дрожащими руками я осторожно убираю их с лица.

— Служба 999. Что у вас произошло? Говорите.

— Она зеленая. Она.. она.. она зеленая...

— Представьтесь, пожалуйста!

— Руки... лицо... все зеле-о-ное...

— Девочка, как тебя зовут?

— Элис Келли.

— Элис, где ты живешь?

— Она зеленая, вся-вся зеленая...

— Элис, милая, скажи свой адрес.

— Брайарсвуд-роуд, Финглас. Дом сорок семь, семерка криво висит.

— Отправляю к вам скорую. Элис, а кто зеленая, скажи, пожалуйста?

— Лили Келли.

— Мама?

— Угу.

— Ты сейчас рядом с ней?

Я отрицательно трясую головой.

— Элис, ты с мамой сейчас?

Снова трясую головой.

— Элис, ты сейчас с мамой?

— Нет.

— Я тебя попрошу — подойди к ней, пожалуйста. Я трясу головой.

— Элис, сколько тебе лет?

— Восемь.

— Понятно... Элис, с твоей мамой что-то случилось?

— Не знаю, я только сейчас пришла из школы.

— А мама где?

— В кровати. Она зеленая.

— Элис, я тебя попрошу — подойди к маме, пожалуйста.

Я последний раз трясу головой и кладу трубку.

В нашу дверь громко стучат. Двинуться не могу. Меня бьет дрожь. Я опускаю голову, кладу подбородок на колени, обнимаю ноги руками. Несколько раз звонят в звонок. Снова стучат в дверь, а потом я слышу, как по лестнице кто-то поднимается. Дверь моей комнаты приоткрывается, я замираю, становится тихо, и они отходят. Идут к соседней комнате. Ее комнате.

Стук в дверь, шаги.

И..

Крик. Это она?

Я затыкаю уши, крепко зажмуриваю глаза, еще сильнее утыкаюсь лицом в колени. От пятен на них еще пахнет травой — это Хаджра меня толкнул на спортплощадке, когда мы играли в регби. Я вдыхаю этот запах, дрожу всем телом, грудная клетка стиснута, и воздуха не хватает. Крик затихает, на лестнице слышатся голоса — мужской и женский. Говорят громко. Я сижу тихо-тихо. Потом кто-то из них — не разберу кто — что-то негромко произносит и идет сюда, наверх, а кто-то спускается вниз. Кажется, что это тянется уже долго-долго; я никогда не любила иг-

рать в прятки, всегда хотелось побыстрее домчаться до туалета, чтобы пописать. Вот и сейчас мочевой пузырь едва не лопается. Кто-то поднимается по лестнице и открывает дверь моей комнаты.

— Элис! — произносит женщина. В ее голосе нет злости. — Элис, ты здесь?

И делает шаг в комнату.

— Меня зовут Луиза, я сотрудник скорой. Ты нас вызывала.

Двигаться не могу. Боюсь: раз она открыла дверь, зеленое доберется и до меня, оно ведь, наверное, уже во всем доме. Я сняла туфли, чтобы оно меня не запачкало, но, когда я дотронулась до волос лежащей в кровати, на руке что-то осталось. Я вытягиваю руку, чтобы не касаться тела, как делают, когда капает кровь. Я не хочу что-нибудь случайно измазать, но, раз эта женщина со скорой, она, наверное, поможет.

— Я в шкафу! — отзываюсь я.

Дверца открывается, и на меня льется дневной свет.

Ко мне склоняется ласковое лицо. Она в чем-то зеленом и люминесцентно-желтом.

— Ну, здравствуй!

Я сконфуженно оглядываю комнату. Я успела навоображать себе, что зеленое растеклось по всему дому, как горячая лава. Я радовалась, что Олли нет дома. Но ничего зеленого я не вижу.

— Здравствуйте...

— Может, выйдешь? Мама из-за тебя переволновалась. С ней все в порядке, она только испугалась, когда увидела нас у себя в комнате. Вот поэтому и закричала. Мы ее разбудили. А зачем ты нам звонила?

— Зеленое... — смущенно произношу я.

— Зеленое?

Смотрю на свою руку. Она думает, что я протягиваю руку ей, и берет ее в свою. Теперь зеленое и на ней, но она его даже не замечает.

— Выходи-ка, поговори со мной, — произносит она и помогает мне выбраться из шкафа. Мы садимся на кровать. — Давай-ка накроемся...

Она приподнимает с кровати мое пуховое одеяло и набрасывает его мне на плечи.

— Олли молодчина, он внизу, борется с Томом, моим напарником. Вернее, не борется, а пинает в зад, — произносит она с улыбкой.

Мне становится немного легче.

— Мама сказала, что ночью плохо спала, вот и прилегла, когда ты ушла в школу. Она и не слышала, как ты вернулась.

Я слышу, как внизу она громко и сердито выступает. Снова становится страшно, но уже по другой причине. Кто ты такой, чего тебе надо... Луиза смотрит на дверь и тоже прислушивается.

— А папа ваш где? На работе?

Яжимаю плечами.

— Не знаешь?

— Он с нами не живет. Мы не видимся.

— И ты каждый день ходишь из школы одна?

— С Олли. Забираю его, и идем вместе.

— Умница. А мама дома вас ждет?

Киваю. Ждет иногда.

Еще один взгляд в сторону двери — так, проверить, — но нам все равно понятно, что ее здесь нет, потому что вопли доносятся снизу. Томми достается не только от потешной борьбы.

— Что, мама по ночам плохо спит?

Я передергиваю плечами.

— Поэтому и ложится днем подремать?

Киваю.

— И ты за нее переволновалась, да?

— Она была зеленая.

— Ага... — И тут до нее, кажется, доходит. — Когда папа от вас ушел?

— Не очень давно.

— Значит, у нее тоска зеленая, потому что папа ушел, — тихо произносит она.

Это не вопрос, а значит, отвечать не нужно. Она такая не потому, что он ушел; он ушел потому, что она такая. Он сказал, что больше не может с ней жить, что ей лечиться надо. Но вслух я этого не говорю.

— Ты правильно сделала, что нам позвонила.

Ничего не правильно. Когда Луиза сводит меня вниз, на лице у Лили написано, что сейчас мне влетит. Мне не хочется, чтобы они уезжали, пока она так на меня злится, но все-таки они уезжают, машут на прощание и увозят свои оживленные, веселые голоса и мой покой. Вот бы сейчас в дверях появился Хью; но, может, у него после школы футбол, а это значит, что он будет только после ужина, через несколько часов.

Лили смотрит из окна, как уезжает скорая, и сильно затягивает пояс на своем махровом халате, будто хочет перерезать себя надвое. Как только машина скрывается из виду, а соседи перестают глазеть, она разворачивается, подходит ко мне и лупит по голове.

Когда я спускаюсь вниз, Хью и Олли уже завтракают. После вчерашней драмы сил совсем не осталось, и спала я долго. Я и теперь еще окончательно не про-

снулась. Приостанавливаюсь на нижней ступеньке лестницы.

Хью и Олли окружают цвета.

— Ты чего? — дожевывая поджаренный хлеб, неразборчиво спрашивает Хью и ставит ногу на стул, чтобы зашнуровать ботинок.

К горлу вдруг подкатывает ком и не дает дышать. Потом раз — и все проходит.

— Опять зеленое?

Качаю головой — нет, мол. Ему я сказала, что вчера видела этот цвет в ее комнате. Он не посмеялся и не обозвал меня чокнутой, выслушал очень серьезно, но промолчал.

— Тогда что?

— Ничего.

Брат бросает на меня взгляд и опять начинает возиться со шнурками.

— Хлеб будешь? — спрашивает он.

— Угу.

Заставляю себя есть, сердце колотится, не хочется смотреть ни на того, ни на другого, но никак не получается отвести от них глаза. Смотрю внимательно, как будто в первый раз вижу, что в нашей серой кухне светятся два экзотических создания.

Она в кухне с двумя женщинами из службы социальной поддержки, которые неожиданно пришли к нам. Хью, Олли, я и соседка, миссис Гангали, та самая, у которой опрятный садик и шикарные шторы, сидим в большой комнате, где у нас телевизор. Двойная дверь в кухню закрыта, но нам немножко слышны голоса, а через матовые стекла дверей видны и фигуры, похожие на расплывчатые пятна. Я слышу слова, но не понимаю, о чем речь. Говорят взрослые; те же слова, только в другом порядке.

— Сами им позвонили? — любопытствует миссис Гангали.

— Нет. Элис тут на днях вызывала скорую. — Находчивый Хью, как всегда, приходит мне на выручку. — Ей показалось, что мама заболела. А они, по-моему, пришли проверить, все ли в порядке.

Миссис Гангали, прищурив глаза, оценивает новую информацию и произносит:

— С ними лучше не связываться. Вот не понравится им что-нибудь, так вас сразу от нее заберут. Отдадут в разные семьи и отправят по разным домам.

Олли бросает взгляд снизу, с пола, и его игрушечные борцы замирают посреди атаки.

Не знаю, почему она так злится. Может, потому, что заставили сидеть с нами, а у нее на плите стоит курица бирьяни, ведь сегодня же праздник бирьяни, и миссис Гангали нужно сходить посмотреть, как бы ничего не подгорело, а то она сильно расстроится. Соседка зашла только для того, чтобы сделать нам выговор за вонючие мусорные баки и неухоженную траву, и как раз, когда они с Лили ругались, приехали женщины из соцзащиты и попросили миссис Гангали побыть с нами, пока они поговорят с Лили. Мистер Гангали хороший человек, а у миссис Гангали лицо всегда перекошенное, сердитое, как будто она никому не верит.

В испуге смотрю на Хью. Я вовсе не против, чтобы меня забрали от Лили, но не хочу, чтобы нас с ним разлучали. Ведь, если такое случится, я буду виновата, что вызвала скорую.

— Не переживай, никто нас не разлучит, — весело говорит Хью и подмигивает мне.

В кухне Лили срывается на крик, и миссис Гангали прибавляет звук: по телевизору идет очередная

серия «Жителей Ист-Энда». Мне теперь не слышно, что говорят, ну и ладно: значит, миссис Гангали тоже не слышит, о чем переговариваемся мы с Хью. А он спрашивает:

— Ты видишь вокруг нее зеленое с понедельника?

Киваю и принимаюсь разглядывать ботинки: оказывается, у них очень интересные шнурки. Я еле нахожу силы смотреть на нее, а уж находиться с ней в одной комнате совсем не могу. Новое не это, а совсем другое: когда я оказываюсь слишком близко к цветку, который ее окружает, становится как-то не по себе, и мне это совсем не нравится.

— Почему не сказала?

Пожимаю плечами.

— А вокруг меня зеленое видишь? — не отстает он.

Я качаю головой и говорю:

— Нет, не зеленое.

Он спрашивал в шутку и теперь удивляется:

— Да ладно... И какого же я цвета?

Я не боюсь разглядывать его, изучать его цвет. Он, этот цвет, меня не пугает, не липнет ко мне, не тащится за мной по всей комнате, как ее: тот-то похож на большую сеть, которая так и норовит поймать, затянуть меня.

— Розового, — отвечаю я.

— Розового?! — переспрашивает он и морщит нос.

Олли — я и не думала, что он слушает, — хохочет.

— Ну да, Олли, розовый, блин, девчачий, — говорит Хью, и Олли смеется. Смех его слышится очень редко, он все время хмурый, серьезный, только Хью и может его развеселить.

Из кухни слышится скрип стульев: они встают и то, что там происходит, заканчивается.

— Теперь, похоже, захотят с нами поговорить, — говорит Хью с видом чуть более серьезным, чем обычно. — Им, наверное, про цвет лучше ни слова.

Поначалу такое бывает только с теми, с кем я живу, и каждое утро я думаю, какие цвета меня сегодня встретят. У Хью обычно ничего не меняется: он окружен теплой розовой дымкой. Наподобие сигаретного дыма, который еще долго висит в воздухе после того, как она покурит. Его цвет спокойный, легкий, радостный, заботливый, сопутствует разным частям его тела и следует за ним, повторяя все движения, как будто притягивается магнитом.

Иногда, когда я преодолеваю страх перед тем, что со мной происходит, я вижу, как это красиво. Похоже на розовый закат или восход.

Хью замечает, что я разглядываю его.

— Сейчас какой? — весело, без раздражения, спрашивает он.

— Опять розовый.

Он улыбается; его это всегда забавляет.

— Ты мне скажи, когда какой-нибудь крутой, сильный появится, ну там черный, или синий, или хоть... — он ненадолго задумывается, — красный.

Он напрягает мускулы и замирает так, что лицо его багровеет, а на шее чуть не лопаются вены.

Я улыбаюсь, но мне не хочется, чтобы он был какого-нибудь из этих цветов. Розовый подходит ему — и непонятно как, но благодаря его цвету оттенок Лили кажется не таким болезненным и злым; так в рекламе по телевизору белая таблетка гасит пламя в красной пылающей груди. Его цвет гасит любое пламя.

— А Олли такой же? — спрашивает Хью.

Смотрю на Олли. Он сидит за кухонным столом, упорно играет в своих солдатиков, перед ним в миске шоколадные шарики, голова встрепанная, глаза сонные. Отвечать не хочется, и я просто трясу головой.

Его цвет почти всегда такой же, как у нее. Она его передает.

— Аура мигрени... — читает Хью у себя в компьютере. — У тебя бывает мигрень?

— Мигрень — это что?

— Это когда голова сильно болит.

Я киваю:

— Ага, все время теперь.

С тех пор как появились цвета, не стало такого дня, чтобы голова у меня не болела. Хочется уйти к себе в комнату, задернуть шторы и лежать в темноте, но я так не делаю, потому что не хочу быть такой, как она.

— Это периодическая головная боль, появляющаяся после или одновременно с сенсорными расстройствами под названием «аура»: вспышками света, слепыми пятнами, зигзагообразными линиями, которые появляются в поле зрения, блестящими точками или звездочками, подергиванием руки или лица. Знакомо?

— Вроде да.

— Это что-то вроде электрической или химической волны, она обрабатывает зрительные сигналы и вызывает эти... ну то, что ты называешь «цвета».

— Угу.

— Тебе бы к неврологу сходить. — Хью прокручивает страницу, читая дальше: — Тебе обследуют глаза, сделают компьютерную томографию головы,

а может, МРТ. Тут советуют пить лекарства, избегать стрессовых ситуаций, научиться расслабляться. Спать дольше, питаться лучше. Пить много воды...

— Ну воду-то пить я могу, — отвечаю я.

И мы улыбаемся, хотя ничего смешного в этом нет.

— Вот. — И он, крутнувшись в кресле, оказывается лицом ко мне. — Вот, наверное, что это такое.

Я согласно киваю. Аура мигрени. Наверное...

Я пью уж не знаю сколько стаканов воды, стараюсь промыть организм, как делают при простуде, но, похоже, это не помогает. Наоборот, каждую неделю цвета становятся всё ярче.

Лили говорит, что из-за моей головы к врачу мы не пойдем, и швыряет мне упаковку парацетамола.

Цвета переходят с моей семьи на других людей. Я даже перестаю на них смотреть. Вихрь красок пляшет, кружится, сверкает, цвета мигают, меняя темп и ритм, и я не могу удержать внимание. Меня, бывает, тошнит, случаются головокружения. От яркого, постоянного света болят глаза и голова. Чувство такое, как будто вокруг меня сотни людей, каждый что-то передает по своей радиостанции, и воздух вокруг них шипит, как газировка, а стоит им приблизиться ко мне, в нем будто возникает брешь, и их волны сталкиваются с моими.

Взять хотя бы мою лучшую подругу Эмму. С ней всегда было весело и вообще здорово, ее звонкий смех заражал, но сейчас она меня просто достает. Ее цвета какие-то бешеные, быстрые; желтые вспыхивают, зеленые дергаются, иногда мелькают зигзагами, как молнии, как будто ее обмакнули во что-то ядовитое. А вместе с ее скоростью речи, огромной энергией,

Литературно-художественное издание

АХЕРН СЕСИЛИЯ

Все цвета моей жизни

Ответственный редактор Н. Галактионова

Редактор В. Измайлов

Художественный редактор Н. Данильченко

Технический редактор Л. Сеницына

Корректоры Е. Бударгина, Т. Дмитриева

Компьютерная верстка Т. Коровенковой

В оформлении издания использованы материалы
Shutterstock.com

Серия «Ахерн. Лучшие книги о любви»
(твердый переплет) (обложка и форзацы):
© Egor Mayer, © Nadezda AUDIGIE

Серия «Ахерн. Сто имен любви»
(мягкая обложка): © suns07butterfly

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» –
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»
в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

16+

Подписано в печать 30.06.2023.
Формат 84 × 108 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура «Garamond».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,05.
Тираж 10 000 экз.: В-ABL-31224-01-R. Заказ №
Тираж 5000 экз.: В-ALL-32662-01-R. Заказ №